

Литература

УДК 82;316.3

Алпатова Т.А., Киселева И.А.

ЧЕЛОВЕК – ИДЕАЛ – ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ АКСИОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ*

Аннотация. В статье проводится мысль, что отечественная словесность представляет собой явление русской жизни в ее духовно-нравственных исканиях и обретениях, сложность и многоаспектность которых связана со стремлением к воплощению ценностных идеалов личности. Утверждается, что аксиология автора, продиктованная его укорененностью во многовековой национальной духовной культуре, является тем «генетическим кодом», который создает текст как художественное единство и определяет его этические и эстетические достоинства.

Ключевые слова: аксиология литературы, добро, идеал, истина, красота, личность, общество, традиция, художественные открытия, ценность.

Русская словесность всегда была фактом не только культуры, но самой русской жизни в ее духовно-нравственных исканиях и обретениях, сложность и многоаспектность которых связана с триадой: человек – идеал – общество. Русская литература в лучших своих образцах никогда не замыкалась лишь в сфере внутренней жизни, внутренняя жизнь всегда определялась внешней, ее взаимодействии с обществом. И Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, и Достоевский смысл своей жизни и творчества видели в необходимости духовного служения, их жизненное и творческое кредо было связано с идеей нравственной ответственности человека перед обществом, с необходимостью воплощения

в художественном слове высоких духовно-нравственных идеалов, с верностью правде жизни в ее целесообразности и красоте. Художественные открытия русских писателей, являющиеся ценностями всемирными, питались из чистых истоков православного миропонимания, образного русского народного мышления, наконец, из того порядка природы – ландшафтного и погодно-временного устройства, который господствует на российском пространстве.

Феномен русской литературы как выражения национальной культуры исследовался в отечественной и зарубежной гуманитарной науке с разных методологических точек зрения. Занимавший лидирующие позиции в российском литературоведении почти в течение всего XX в. историко-социологический подход был направлен в основном на изучение литературы как отражения исторической жизни общества; его главная методологическая слабость коренилась в нередком превращении литературы в «историю идей», недооценке собственно художественной ее природы [1]. Возникшие в 1960-е гг. и набравшие силу к концу XX в. разнообразные структурно-формалистические подходы к изучению литературы, будучи в момент своего возникновения часто реакцией на подходы социологические, неизбежно приходили к другой крайности: изучение «чистой» поэтики, формы словесного искусства «в самой себе и для себя», что отрывало изучаемый текст литературного произведения от почвы его возникновения и существования в неразрушимом единстве с культурной жизнью России и всей мировой культурой во всех многообразных формах ее проявления. Развитие компаративистской методологии не спасало положения: уяснение источников (претекстов) на основе лишь формализованных критериев [2], также не развертывало ни историко-литературной, ни общекультурной перспективы исследований, к тому же значи-

* © Алпатова Т.А., Киселева И.А.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 годы, направление «Филологические науки и искусствоведение», мероприятие 1.3.2 «Проведение научных исследований целевыми аспирантами», конкурс № НК-403П, проект «Человек и общество: духовно-нравственные идеалы личности в русской романтической литературе», Государственный контракт № П2198 от 9 ноября 2009 г.

тельно ослабляя возможность эффективного внедрения результатов литературоведческого поиска в практику научно-образовательного процесса и духовно-культурную жизнь современного российского общества.

Одной из самых насущных задач современного литературоведения оказывается осмысление русской литературной классики как феномена национальной культуры, являющей актуальность духовно-нравственных и эстетических ценностей российского общества [3]. В эпоху глобализации среди прогрессивно мыслящих ученых-гуманитариев усилилась тенденция противостоять духовному оскудению человека. В литературоведении конкретным проявлением названного направления является активное внедрение находящейся в периоде становления и развития аксиологической методологии, которая ложится в основу различных областей гуманитарного знания [4].

Истоки ее создания коренятся уже в античной, и наиболее глубоко – в средневековой герменевтике (св. Климент Александрийский, св. Григорий Нисский, св. Максим Исповедник [5], изучающей словесные произведения с целью выявления в них более или менее скрытых смыслов, иллюстрирующих определенную систему ценностей, коррелирующую с характерной для культурной эпохи системой мировосприятия. Немецкая классическая эстетика при обращении к литературе соотносила ее ценностную шкалу с понятиями народности и национальной самобытности (И.-Г. Гердер, В. фон Гумбольдт), пафоса, которые понимались как следование «великим мотивам искусства», среди которых Г.В.Ф. Гегель называл «семью, родину, государство, церковь, славу, дружбу, сословие, достоинство, а в романтическом мире особенно честь, любовь и т. п.». Начатки аксиологического метода содержатся и в работах А.Н. Веселовского, видевшего в соединении мотивов в сюжеты, которые и составляют нерв художественного повествования, обобщение и оценку действительности.

Актуализация ценностного подхода к анализу эстетических явлений, в том числе литературы, происходит в России на рубеже XIX-XX вв., вследствие общей тенденции к преодолению наметившегося кризиса знания в сложившихся методах и школах литературоведения (прежде всего культурно-исторической и психологической). Науке о литературе, направляющей свои усилия на чрезвычайно широкий круг объектов, в котором, однако, нет самой литературы, на-

чинают противопоставляться новые экспериментальные подходы – от «непосредственного сопереживания и сочувствия» «этюдов» Ю.И. Айхенвальда [6], «медленного чтения» М.О. Гершензона до стиховедческих экспериментов А. Белого и методологии раннего ОПОЯЗа [7]. Впоследствии литературоведение в XX в. развило ряд идей, высказанных в тот период исканий, прежде всего идей формальной школы. Гораздо менее освоенным при этом осталось еще одно течение тогдашней литературоведческой мысли, связанное в своем развитии с современным ему становлением русской религиозной философии и потому часто именуемое «религиозно-философской критикой», несмотря на то, что продуманность философского подхода к истолкованию судьбы и творчества писателей, самой природе художественного произведения, смыслу и назначению искусства свидетельствуют скорее о теоретико-литературном потенциале этого направления. Литературе как искусству слова этот подход возвращал самобытность и ценность – но не как феномену самоценной организованной «формы», а как органичному единству, природа и сущность которого есть явление гораздо более высокого порядка. Основой для самой возможности этого понимания становится учение о ценностях.

В статьях В.С. Соловьева «Красота в природе», «Общий смысл искусства», «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» и др. была поставлена сама проблема – необходимо, чтобы наука об искусстве наконец нашла в себе смелость и силы заговорить о самом искусстве (а не «истории идей», психологии или «отражении» исторической жизни народов). Для этого необходима внутренняя уверенность в ценности искусства – которая, по мысли Соловьева, и заключается в причастности к высшим ценностям: «изображение какого бы то ни было предмета или явления с точки зрения его окончательного состояния или в свете будущего мира, есть художественное произведение» [8].

В настоящее время история науки все более последовательно возвращается к опыту религиозно-философского, аксиологического прочтения литературы, вписывая эти чрезвычайно востребованные принципы и подходы в контекст развития литературной науки рубежа XIX-XX вв. (см. работы И. Роднянской и Р. Гальцевой, В.Е. Хализева, Е.В. Поповой и др.) [9]. Главная задача такого подхода, вероятно, оказывается в том, чтобы осмыслить специфику различных направлений в рамках аксиологического подхода к изучению лите-

ратуры, обеспечивая таким образом четкость перспективы для развития этой чрезвычайно востребованной сегодня методологии.

Одним из наиболее плодотворных направлений аксиологического подхода к изучению литературы стало на рубеже веков собственно религиозно-философское осмысление как самого понятия «ценность», так и связанного с ним литературоведческого творческого поиска. Именно в рамках этого направления, в частности, Н.О. Лосский создает «идеал-реалистическое» (в терминологии исследователя) учение о ценности, в основе которого лежит отношение предметов, событий, поступков, любых открывающихся человеку в личном опыте явлений, произведений искусства и т. п. к абсолютной полноте бытия. В понимании философа «ценность есть бытие в его значении для приближения к Богу и Божественной полноте бытия» [10]. «Абсолютная полнота Божественного бытия есть абсолютное совершенство, заслуживающее безусловного одобрения, – нечто такое, что не только есть, но чему стоит быть. Это само Добро не в нравственном только, а во всеобъемлющем смысле этого слова...» [11].

Таким образом, на основе признания неоспоримого объективизма и абсолютизма в аксиологии формируется четкая система критериев оценки произведений искусства; идея же философа о гармоничной полноте, единстве в многообразии окружающего мира становится ключом к трактовке художественной формы. Именно посредством ее созерцания человек столь часто и открывает для себя, что «...бытие каждого индивидуума не сводится только к разобченным в пространстве объемам и раздробленным во времени процессам, а содержит в себе еще и более глубокую, сверхличную и сверхпространственную сторону, которая придает миру характер органического целого» [12]. «Все имманентно всему», и, следовательно, анализ художественной формы не может ограничиваться лишь «анатомированием» текста.

Интересный опыт основанного на ценностном, аксиологическом подходе к литературе представляет литературоведческая методология И.А. Ильина. Его понимание литературы органично сочетало в себе как общепризнанный философский взгляд на самую сущность искусства («искусство есть служение и радость», «в нем удовлетворяется жажда совершенного, воля к художественному и прекрасному» [13]), так и собственно аналитические подходы, в которых взгляд на различные уровни текста, от сюжета и героев до образного языка

произведения строился на раскрытии той самой органичной полноты и гармонии бытия, в которой испокон веку художник стремился приблизиться к божественному источнику Красоты, Добра и Истины.

Предметом художественного переживания высшую, религиозно-молитвенную природу искусства сделала уже поэзия XVIII столетия. Именно поэтому столь потрясающее впечатление производит русская торжественная ода XVIII в. – гимн творческой энергии нации, устремившейся к тому, чтобы реализовать идеал жизненной полноты и гармонии миропорядка. И дело даже не в том, насколько эта амбициозно-утопическая цель могла быть достигнута в реальности – сама устремленность к нему и своеобразная «воля к идеалу» формировала удивительно органичную сферу аксиологии искусства классицизма.

Не только высокие жанры классицизма: торжественная ода, поэма, трагедия, духовная и философская лирика – несли в себе столь последовательно выраженный ценностный аспект. Жанры, по традиции относимые к «средним» и бывшие наименее разработанными классицистской теорией [14], также имели свою аксиологию. Нормативно-иерархическое сознание эпохи лишь предписывало каждой из этих жанровых групп «свою», достаточно четко определенную ценностную шкалу. И если предметом художественного переживания в жанрах «высоких» оказывались собственно «высокие» ценности – Божественное величие, гармония космоса, сила и мощь государства, мудрость правителя, самопожертвование, сознание аристократического долга, творческая энергия разума, то в жанрах «средних» структура аксиологического содержания оказывалась иной, и на первый план выходили радости частной жизни человека – гармония с самим собой и миром вокруг, любовь, семейное счастье, дружба, здоровье, возможность наслаждаться земными благами, наконец, радость творческого труда. Тянувшийся к античному идеалу XVIII в. находил универсальный источник этих ценностей в поэзии Анакреона и Горация, сами имена которых становились почти нарицательными обозначениями того человеческого типа, который выступал апологетом этих ценностей и жизненный принцип которого так блистательно характеризовала емкая державинская формула: «Живи и жить давай другим» [15]. Признанная оценка новаторства Державина как поэта, отказавшегося от иерархических границ и охватившего единой творчески-эстетизирующей интенцией весь

мир вокруг, безусловно должна распространяться и на анализ аксиологической системы поэта. Ценностная «карта» его поэзии столь же многогранна и всеобъемлюща, как и сам миробраз, встающий в державинских стихах. Убедительным доказательством этого становится, в частности, стихотворение «Евгению, жизнь Званская», органично соединяющее в себе тему житейских ценностей – и того неизменного и вечного их источника, что в конечном итоге определяет философское звучание стихотворения. Главная духовно-философская идея державинского текста – поиск и обретение человеком блаженства.

Первоначально тема блаженства разворачивается в стихотворении на основе го-рацианской традиции противопоставления деревни городу. Но уже третья строфа переводит размышления в иную сферу – и рождением этого мотива державинский текст обязан появлению конкретных мотивов, самого облика Званки как особого «острова блаженных»: «Возможно ли сравнить что с вольностью златой, // С уединением и тишиной на Званке? // Довольство, здравие, согласие с женой, // Покой мне нужен – дней в остатке». Перечисленные в этой строфе понятия – ценности жизненные, доставляющие человеку возможность блаженства в житейском мире: вольность, уединение, тишина, довольство, здравие, мир в семье, душевный покой – то, без чего земная жизнь человека не может считаться состоявшейся. И далее стихотворение развивает, с одной стороны, эту житейскую линию, и с другой – постепенно кристаллизующуюся линию духовную.

Блаженство даруется человеку созерцанием многообразия мира – и природы, и культуры. Именно эта линия ярче всего развита в державинском стихотворении, и именно здесь ярче всего проявилось стремление поэта обрисовать мир вокруг с максимальным количеством деталей. Державинский космос исполнен звуков, красок, запахов, каждое его мгновение занято, он густо населен – людьми, животными, птицами, он необыкновенно теплый – почему, возможно, и в сознании поэта, и в сознании читателя не возникает чувства отчаяния, когда речь заходит об исторических испытаниях и самом испытании времени для человека. Подобная полнота, безусловно, генетически связана с особенностью рационалистического взгляда на мир, которую Л.В. Пумпянский называл «принципом исчерпывающего деления» [16] – когда образ строится как исчисление всех возможных признаков, форм существования

некоего явления, всех возможных форм, наполняющих собой мироздание. Отличием от исчерпывающего деления в традиционном миробразе классицизма у Державина оказывается лишь превалирование этого принципа над принципом иерархичности: исчисляя признаки и формы явления, он уже подлинно видит их все, не закрывая глаза на те, которые не приемлются жанром. Державинский космос подлинно всеохватен – и в этом смысле периодически обманывающая читателя композиционная «рыхлость» стихотворения «Евгению. Жизнь Званская» – вовсе не следствие структурной небрежности или безвкусной избыточности. Изобилие деталей, форм, планов развертывания картин здесь становится реализацией того принципа миропонимания, согласно которому в жизни нет ничего неважного. Как писал С.С. Аверинцев, «в уютном, тяжеловесном, насыщенном запахами домашнем обиходе поэт ощущает не какую-нибудь иную, а ту самую красоту, которую он же видел льющейся в блеске солнечных лучей “с синей крутизны эфира”». Но увидеть ее могут только глаза, которые приучены глядеть на каждый предмет <...> благодарно» [17]. Это и есть благодарность Творцу – в державинском космосе основа того блаженства, что становится главной всео духотворящей силой.

Державин говорит «...обо всем и всегда так, словно он первый человек на свете, у которого только что отверзлись глаза» [18]. В дальнейшем описании быта Званки возникает возможность толковать бытописание не только в житейском, но и в духовно-философском ключе. Это – жизнь, которая исполнена любви – и к миру вокруг, и прежде всего к людям.

Ступенью к постижению блаженства в поэтических размышлениях Державина становится также своеобразное «равенство» всех занятий человека, среди которых находится место и трудам, и забавам, и творчеству, и наконец, молитве, тема которой и становится главным средством воплощения высокой аксиологической шкалы для поэта.

Она пронизывает текст стихотворения, присутствуя и в картине утра, и в описании дня, и наконец, замыкая весь текст в раскрытии ночных размышлений поэта.

Мир идеально гармоничен, подобен совершенному произведению искусства, которое и созерцает человек. Это становится своеобразной теодицеей в поэтическом космосе Державина – даже видя в «зеркале времен» лишь себялюбие и «драки человеков», он находит утешение в созерцании Божьего мира и в молитве: «Все суета сует! Я, воздыхая, мню,

// Но, бросив взор на блеск светила полудневна,
// О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой
бремену? // Творцом созиждется вселена. //
Да будет на земли и в небесах Его // Единая
во всем вседействующая воля! // Он видит
глубину всю сердца моего // И строится моя
Им доля (385).

Едиственное усилие человека в идеально-прекрасном Божьем мире – усилие молитвенное. И потому, переводя поэтическое размышление в иной интонационный регистр в последних 14 строфах стихотворения («Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?..») [19], Державин выстраивает вектор не столько собственно творческий, сколько куда более сложный по своему составу: от осознания истории – к теме неотвратимой смерти, всеобщего разрушения, преодолением которого способна стать только возносящаяся над житейским «единая правда» о поэте: «Здесь Бога жил певец, — Фелицы» (390).

Таким образом в абсолютно органичном синтезе объединяются ценностные системы двух определяющих для державинской аксиологии текстов – дружеского послания митрополиту Евгению и оды «Бог». И высшее религиозно-философское умозрение, и размышления о блаженстве и спокойствии земной жизни сходятся в одной точке – благодарном молитвенном восторге, способность к которому и говорит о человеке, как о венце Божьего творения. Поэтический мир Державина в своих духовно-нравственных, ценностных акцентах явилась тем эстетическим фундаментом, на котором строится в своих лучших образцах русская поэзия XIX века, в том числе и русская романтическая поэзия, которая, в противовес западному романтизму, уделяет не меньшее внимание, чем разобщению человека с обществом, мироприемлющему началу.

В.Н. Аношкина в своих исследованиях особое внимание уделяет «соборному» началу в душевном устройении поэтов русского романтизма, у истоков которого стоит деятельность В.А. Жуковского, поэта, чьи афористические выражения – «живи как пишешь», «поэзия есть добродетель», «счастье бывает только вместе» [20] – представляют собой нравственный кодекс творческой личности. Это соборное устройство коренится в живом чувстве истории и народной почвы, что так ярко проявилось в творчестве М.Ю. Лермонтова, А.И. Одоевского, К.Ф. Рыльева, которые через касание к истокам русской жизни являли поэтическое пламя любви к Отечеству, ставшее проповедью служению Истине, Добру

и Красоте в их национальном окрашенном проявлении. Русская романтическая поэзия часто проникается молитвенным началом – поэтические молитвы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.И. Козлова, Ф.Н. Глинки, Ф.И. Тютчева составляют не просто золотой фонд русской литературы, но являются сокровищами религиозного опыта, знаменуя глубокое чувство предстояния и ответственности перед лицом Всевышнего. Лучшим поэтическим текстам русских поэтов присущ не только молитвенный пафос, но и молитвенный строй, который проявляется в образной системе и стиле, созвучных православной гимнографической традиции [21].

Этические и эстетические достоинства художественных произведений русской классики диктуются как осознанными убеждениями авторов, так и глубокой укорененностью их душевного устройства во многовековой культуре своего народа [22], что и является тем «генетическим кодом», который создает текст как художественное единство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подробнее об этом см.: Аношкина В.Н. Ценностное изучение русской литературы XIX в. // Духовный потенциал русской классической литературы. Сб. науч. тр. Мос. гос. обл. ун-та. / Ред. колл. В.В. Пасечник и др. – М., 2007; Щерблякин И.П. Литература как живая традиция и ее исторические судьбы // Филология и школа. Труды Всероссийских научно-практических конференций. Вып. 2. – М., 2008.
2. См.: Большакова А.Ю. К вопросу о памяти литературного творчества: сравнительный анализ категорий «диалог» М.М. Бахтина и «интертекстуальность» Ю. Кристевой // Память литературного творчества. – М., 2008.
3. См.: Духовный потенциал русской классической литературы. Сб. науч. тр. Мос. гос. обл. ун-та. / Ред. колл. В.В. Пасечник и др. – М., 2007; Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М., 2007; Литературоведение как проблема: Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». – М., 2001; Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. СПб., 2000; Тарасов А.Б. В поисках идеала: между литературой и реальностью. – М., 2006 и др.
4. См.: Аверинцев С.С. Связь времен. – М., 2005; Жукова О.А. Актуальность традиции: Художественное творчество в истории русской культуры. – М., 2005; Ивин А.А. Аксиология. – М., 2008; Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. – М., 2008.
5. См.: Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. – СПб., 2000.
6. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. – М., 1994. – С. 30.
7. Подробнее о кризисе русского литературоведения на рубеже XIX-XX в. См.: Хализев В.Е. Спор об отечественной классике в начале XX века // Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской клас-

- сики. – М., 2005.
8. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 83.
 9. См.: Гальцева Р. По следам гения // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. – М., 1990. – С. 5-14; Гальцева Р., Роднянская И. Реальное дело художника («Положительная эстетика» Владимира Соловьева и взгляда на литературное творчество // Соловьев В.С. Эстетика и литературная критика. – М., 1991. – С. 8-29; Хализев В.Е. Указ. соч.; Попова Е.В. Аксиология и литературоведение: Учеб. пос. – Владикавказ, 2008.
 10. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994. – С. 265.
 11. Там же. – С. 266.
 12. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М., 1991. – С. 39.
 13. Ильин И.А. Основы художества. О совершенном искусстве // Ильин И.А. Собр. Соч.: В 10 т. – Т. 6. – Кн. 1. – М., 1996. – С. 53-54.
 14. Подробнее об этом см.: Вомперский В.П. Стилистическое учение Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
 15. Державин Г.Р. На Рождение Царицы Гремиславы Л.А. Нарышкину // Державин Г.Р. Сочинения. Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Г.Н. Ионина. – СПб., 2002. – С. 219. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте.
 16. Пумпянский Л.В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – С. 210 и след.
 17. Аверинцев С.С. Поэзия Державина // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX в.). – М., 2000. – С. 768.
 18. Там же. – С. 773.
 19. О значении грамматического оформления этого перехода см.: Мейор А.Г. Указ. соч. – С. 82-84.
 20. Аношкина В.Н. Православные основы русского романтизма. // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М., 2007. – С. 43.21.
 21. См. подробнее: Серёгина Н. Пушкин и христианская гимнография. – СПб., 1999; Сергеева О.А. Красота и тайна света в лирике Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия. – М., 2006. – С. 144-155; Розадеева М.А. Евхаристическое богословие Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев и Православие. – М., 2005. – С. 123-133.
 22. См.: Захаров В.Н. Православие и этнопоэтика русской литературы // Cultural Discontinuity and Reconstruction Summaries of Papers: Conference in Bergen 8-10 Sept. 1994 и др.

T. Alpatova, I. Kiseleva
 MAN - IDEAL - SOCIETY: PROBLEMS
 OF AXIOLOGY IN LITERATURE

Abstract. This article states the idea that home literature represents a phenomenon of Russian life in its spiritual and moral searches and findings. Their complexity and multiple-aspect coverage are connected with yearning for the embodiment of valuable ideals of a person. The article asserts that the author's axiology dictated by his embedment in centuries-old national spiritual culture, is the "genetic code" that creates a text as an artistic unity and defines its ethical and aesthetic merits.

Key words: axiology in literature, good, ideal, truth, beauty, personality, society, tradition, artistic discoveries, value.

УДК 82–991.1

Батурова Т.К.

ВАЛААМ В ЖИЗНИ Ф.И. ТЮТЧЕВА И ЕГО СЕМЬИ*

Аннотация. В статье представлена малоизученная проблема влияния святых на мировоззрение и творчество Ф.И. Тютчева. Рассмотрено пребывание поэта и близких ему людей на Валааме, где поэт соприкоснулся с молитвенным подвигом валаамских духовных подвижников. Проанализированы воздействие святого места на внутреннее состояние Тютчева в период зарождения его любви к Е.А. Денисьевой и отражение полученных

впечатлений в лирике поэта.

Ключевые слова: духовность, лирика, монастырь, пейзаж, подвижник, святость.

Вопрос о влиянии святых на мировоззрение и поэзию Ф.И. Тютчева относится к наименее изученным в литературной науке. Однако без его освещения невозможно во всей полноте постичь творчество великого поэта.

Обращаясь к Своим ученикам, Господь говорит: «Вы – свет мира» (Мф. 5, 14). Этими словами Он указывает, что Его ученики будут носителями истины, правды, любви, Божест-

* © Батурова Т.К.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант №08-04-00072а).